

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 7.

1-го Апрѣля

1875 года.

СОДЕРЖАНІЕ.— Слово въ великій пятокъ.— Заповѣдь о милосердіи.— Нагорная проповѣдь (продолженіе).— Ѳ картонной игрѣ.

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

*Господи, съ Тобою готовъ есмь
и въ темницу и на смерть мти.
Дук. 22, 33.*

Еще судилъ намъ милосердый Господь дожить до глубоко— печальнаго дня воспоминанія о страданіяхъ и смерти Божественнаго Спасителя нашего. Снова предъ очами нашими глубокой трауръ священныхъ одеждъ; снова предъ нами плащеница съ изображеніемъ Предвѣчнаго— во гробѣ; снова поражаютъ нашъ слухъ удивительныя слова церковной пѣсни: «Днесь Владыка твари и Господь славы на крестѣ пригвождается; покрываяй мебо облаки одеждою облачится поруганія; заушается брэнною рукою, рукою Создатель чловѣка, по плещема біемъ бываетъ, заплеваніе и раны пріемлетъ;

сладость церковныя желчи и оцетъ вкушаетъ; вѣнцемъ отъ тернія облагается и въ ребра прободается, и—вся терпѣть мене ради осужденнаго». Все это нынѣ снова напоминаетъ намъ о страданіяхъ и смерти Богочеловѣка съ такою ясностію и подробностію, какъ будто мы стоимъ при крестѣ и видимъ Самаго Распятаго. По свойственной человѣку способности сочувствовать страданіямъ другихъ, мы проникаемся теперь чувствомъ сожалѣнія и состраданія къ Распятому, — чувствомъ тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ очевиднѣе для насъ невинность великаго Страдальца. Глубоко растроганные скорбнымъ воспоминаніемъ, мы готовы даже пожалѣть, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ Богочеловѣкъ не умолилъ Отца послать двѣнадцать легионовъ ангеловъ, чтобы разеять, въ прахъ обратить все это сборище низкихъ, безсердечныхъ, жестокихъ людей, дерзнувшихъ наложить святотатственныя руки на Создавшаго рукою человѣка. Таково по большей части бываетъ наше настроеніе, когда мы въ годовщину страданій и смерти Спасителя стоимъ предъ плащаницею. Можетъ быть, въ эти минуты мы болѣе, чѣмъ когда либо, чувствуемъ себя христіанами. Но, братіе! Не должны ли мы признаться теперь же и предъ самими собою и предъ лежащимъ во гробѣ, что чувство сожалѣнія и состраданія къ пострадавшему за насъ хотя и сильно охватываетъ нашу душу въ эти великія минуты, но эти чувства наши слишкомъ не—продолжительны, мимолетны. Ап. Петръ увѣрялъ Господа, идущаго на вольныя страданія: *Господи, съ тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть ити.* (Лук. 22, 33). А когда наступило время оправдать свое увѣреніе, то началъ божиться и клясться, что онъ и не знаетъ Того, кого не давно такъ горячо увѣрялъ въ своей самоотверженной преданности (Марка 14, 68—71). Не такъ ли поступаемъ и мы? Стоя предъ плащаницею, мы готовы сказать: Господи съ тобою и на смерть пойдемъ, а выйдемъ изъ храма — и скоро, если не словами, такъ дѣлами (что еще хуже) покажемъ, что не знаемъ Человѣка сего. Но апостоль Петръ еще до полученія благодати заглядилъ свое отреченіе глубокимъ раскаяніемъ, а получивъ дары св. Духа, всего себя посвятилъ дѣлу Божію. А мы, облагодатствованные святымъ Таинствомъ съ самой колыбели, выражаемъ свою любовь ко Христу только мимолетными чувствованіями!.. Представьте себѣ, что предъ вами страдалецъ изъ обыкновенныхъ, подобныхъ намъ людей. Если бы, при видѣ его страданій, вы только сказали ему: ахъ, бѣдный! какъ намъ тебя жаль! — и тотчасъ бы отвернулись отъ него; удовлетворило ли бы его такое состраданіе? Конечно нѣтъ. Сочувствіе и состраданіе наше ближнему получаетъ свою цѣну въ томъ случаѣ, если мы вполнѣ войдемъ въ положеніе страдальца, станемъ чувствовать его чувствами, скорбѣть его скорбями. Тоже нужно сказать и о состраданіи къ Распятому за насъ.

Тогда приятно будетъ наше состраданіе, когда мы глубоко прочувствуемъ скорбь его, вникнемъ въ причину и цѣль его страданій. И это еще не все. Истинное и полное сочувствіе наше страждущему не ограничивается только чувствами и словами, оно необходимо обнаружится стремленіемъ раздѣлить его страданія самымъ дѣломъ. Какъ же мы можемъ раздѣлить страданія Богочеловѣка? Онъ самъ указалъ намъ, какъ это сдѣлать. *Аще кто хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ, возметъ крестъ свой и по Мнѣ ирдетъ.* Итакъ, вотъ въ чемъ должно выражаться на дѣлѣ наше сочувствіе Божественному Страдалцу: въ самоотверженіи и страданіи. И чтобы не напрасно намъ называться послѣдователями Христа, мы должны не въ годъ только разъ и не на минуту, а всегда и постоянно быть готовыми на самоотверженіе и страданіе. «Какъ?—скажутъ,—во всю жизнь страданія и страданія и—только? Это не возможно, а если и возможно, то слишкомъ тяжело и горько. Что же это будетъ за жизнь? Не къ тому ли направлены всѣ наши заботы и хлопоты, чтобы обставить свою жизнь такъ, чтобы въ ней не было страданій? Не къ тому ли клонятся всѣ усилія современнаго намъ челоѣчества, чтобы сдѣлать жизнь наслажденіемъ?.. а намъ предлагаютъ страданія, какъ что то обязательное?». Да, братіе, мы, къ сожалѣнію, такъ мало проникнуты духомъ Христовымъ, что намъ даже страннымъ кажется евангельскій призывъ къ самоотверженію и страданію. Между тѣмъ, какъ въ этомъ призывѣ, такъ и въ откликѣ на этотъ призывъ ничего нѣтъ страннаго. Вѣдь были же и есть люди, для которыхъ самое страданіе — наслажденіе. Это люди, которые прониклись какою либо высокою, доброю мыслию и, не смотря на всѣ встрѣчаемыя ими препятствія и иртеритиваемыя ими огорченія, стремятся осуществить ее въ жизни. Для нихъ на первомъ планѣ эта ихъ мысль и ея осуществленіе; въ этомъ главная цѣль ихъ жизни и наслажденіе; остальное для нихъ не важно. Значитъ наслажденіе не несовмѣстно съ страданіемъ;—значитъ, для того чтобы и намъ не тяготиться страданіемъ, мы должны глубоко проникнуться сознаніемъ своего высокаго назначенія, должны поставить для своей жизни достойную этого назначенія цѣль—служить, во чтобы то ни стало, благу ближнихъ. Тогда ни какія страданія намъ не будутъ тягостны, ни какія лишенія не будутъ горестны. А то—какъ обыкновенно бываетъ между людьми? Счащливится челоѣку, житейскія дѣла его идутъ благополучно, жизнь его обставлена всякими удобствами, онъ спокоенъ, доволенъ всѣмъ, онъ блаженствуетъ; не размышляя о высокой цѣли жизни, не засматривая въ будущее, онъ самодовольно предается не всегда высокимъ наслажденіямъ настоящей минуты. Но вотъ какое либо обстоятельство наноситъ ущербъ его благосостоянію; удобства жизни одно за другимъ из-

чезаютъ; цѣль его наслажденій прерывается и—онъ падаетъ духомъ, онъ разочаровывается въ жизни, онъ приходитъ даже въ отчаяніе. Не рѣдко намъ приходится слышать или читать о возмутительныхъ и прискорбныхъ случаяхъ: тотъ застрѣлился, другой повѣсился, третій утопился. Господи Боже мой! Что это такое? Въ христіанскомъ ли обществѣ быть подобнымъ случаямъ? А отчего это? Именно отъ того, что многіе имѣютъ превратное понятіе о цѣли жизни,—хотя бы испытывать одни только мірскія наслажденія. Къ такимъ то людямъ можно отнести слова Ап. Павла: *не знаете, какого вы духа*. Дѣйствительно, кто отъ перваго толчка въ жизни возмущается духомъ, приходитъ въ отчаяніе, тотъ не знаетъ духа Христова, духа самоотверженія. Господь сказалъ: *иго мое благо и бремя мое легко*. Если бы всѣ люди несли это иго страданія за благо ближнихъ, то они не тяготились бы, а наслаждались жизнью. Будемъ интересы высшіе предпочитать интересамъ низшимъ; тогда страданія изъ за низшихъ интересовъ не будутъ для насъ страданіями, а страданія изъ интересовъ высшихъ будутъ доставлять намъ удовольствіе. Пусть даже жизнь наша совѣтъ будетъ не блестяща, но за то совѣсть наша будетъ спокойна и мира души нашей ничто не въ состояніи будетъ нарушить. Пусть мы будемъ нести крестъ, по примѣру Спасителя, но за то покажемъ себя истинными послѣдователями его и вмѣстѣ съ нимъ прославимся. Въ противномъ же случаѣ если мы только въ сердцѣ или на словахъ и притомъ изрѣдка будемъ сочувствовать страданіямъ Спасителя, а на дѣлѣ всею жизнью своею будемъ свидѣтельствовать отреченіе отъ него, то рано ли поздно ли, при встрѣчѣ съ Христомъ лицомъ къ лицу, намъ придется, подобно Петру, помянуть глаголь Его и—плакаться горько, горько... Лобызая священную плащащину, скажемъ теперь съ твердостію, съ глубокимъ убѣжденіемъ: Господи, готовы, всегда готовы, подобно Тебѣ, на борьбу, на смерть идти изъ за добраго дѣла; только поддержи и укрѣпи въ насъ тѣ добрыя, живыя чувствованія, какія наполняютъ нашу душу при взглядѣ на гробъ Твой! Аминь.

Г. Н.

ЗАПОВѢДЬ О МИЛОСЕРДІИ.

Иисусъ сказалъ своимъ ученикамъ: будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ. Лук. VI. 36.

Изъ всѣхъ Евангельскихъ заповѣдей чаще другихъ повторяемая и преимущественно предписываемая есть заповѣдь о милосердіи.

къ ближнимъ, въ которой безпрерывно упражнялся Самъ Бож. Спаситель. Судя по изображенію Имъ «Страшнаго Суда», когда, воссядая на престолъ Своей славы, въ качествѣ Судии живыхъ и мертвыхъ, Онъ приметъ за правило Своихъ приговоровъ дѣла милосердія, оказанныя Ему въ лицѣ нашихъ братьевъ, кажется, что вся религія Его не имѣетъ другой обязанности, такъ какъ облегчавшіе участь несчастныхъ наследуютъ Его вѣчное царство, а жестокосердые и безчувственные къ нимъ отошлются въ огонь вѣчный, уготованный демонамъ. И какой высокой, какой изумительный образецъ этой добродѣтели предлагается намъ для подражанія—милосердіе Самаго Бога! Эта заповѣдь такъ неизмѣримо—обширна, что, взятая буквально, была бы не только неисполнима, но даже недоступна нашему разумѣнію, которое не можетъ объять безконечное. Однако, лишенные возможности сравниться съ этимъ недостижимымъ образцомъ, мы должны постоянно имѣть Его предъ очами, чтобъ подражать Ему на столько, на сколько позволяетъ намъ поврежденность нашей природы. Божественное милосердіе представляетъ намъ двѣ главныхъ характеристическихъ черты: оно простирается на всѣхъ безъ исключенія и обнимаетъ собою всѣ роды благодѣяній. Эта двойная всеобъемлемость долна отражаться и въ нашемъ милосердіи.

Во первыхъ, оно должно простираться на всѣхъ людей безъ исключенія: высшихъ и низшихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, друзей и враговъ. Безъ сомнѣнія, намъ не запрещено оказывать преимущественное расположеніе и служеніе тѣмъ, съ которыми насъ связываютъ болѣе частныя отношенія—родства, дружбы, общества, отечества; но, исключать кого бы ни было изъ нашей любви и благотворительности, мы не имѣемъ никакого права. Эта заповѣдь, допуская предпочтенія, не дозволяетъ исключеній. Нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ имѣютъ на насъ особенное право—и мы невинны, одождая ихъ болѣе другихъ; но, перасположеніе служить хотя одному изъ ближнихъ, вмѣняется въ грѣхъ.

Во вторыхъ, наша братская любовь, подобно отеческой любви Божіей, должна обнимать всѣ роды добра. Получивъ отъ благодати Божіей все необходимое для уподобленія Ему, мы обязаны служить нашимъ братьямъ благодатию всякаго рода, какъ духовными такъ и вещественными, сообразно съ потребностію каждаго изъ нихъ, и ограничить эту обязанность можетъ единственно наше безсиліе помочь имъ.

Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены.

Отъ общей заповѣди о милосердіи Бож. Спаситель переходитъ къ его различнымъ отраслямъ. Онъ рачинаеть запрещеніемъ дерзкаго суда, который противорѣчитъ не только милосердію, но и справедливости; и, къ несчастію, сильно распространившись въ общественной жизни, служить плодороднымъ корнемъ множества другихъ пороковъ.

Не должно, однако, думать, что подъ запрещеніемъ І. Христа подразумѣвается всякій судъ надъ ближнимъ. Прежде всего, облеченные провидѣніемъ высшею властію имѣютъ не только право, но, по своему положенію, даже обязаны узнавать своихъ подчиненныхъ, судить о ихъ личности и дѣйствіяхъ. Потомъ другіе, хотя и не уполномоченные властію, но поставленные въ обществѣ, съ которымъ имѣютъ всякаго рода отношенія вслѣдствіе взаимной подчиненности и общественныхъ обязанностей, принуждены узнавать, изучать, судить другъ друга. Самая обязанность искать сближенія съ добрыми и удаляться злыхъ указываетъ на необходимость анализировать людей; иначе не было бы никакой возможности охранить себя отъ ихъ вкрадчивыхъ внушеній, коварныхъ совѣтовъ, соблазнительныхъ примѣровъ, искусно разставленныхъ сѣтей, если бы намъ не было позволено наблюдать за ними и произносить свое сужденіе. Наша обязанность относительно ближнихъ не можетъ быть противопоставлена обязанности нашего личнаго самосохраненія; слѣд. милосердіе не запрещаетъ руководствоваться предписаніями благоразумія и эти двѣ добродѣтели совершенны по согласію между собою, если имѣть въ виду, что милосердіе, запрещая судъ дерзкій, допускаетъ судъ мудрый, основанный на благоразумномъ выводѣ слѣдствій изъ данныхъ причинъ. Потому, невыгодный судъ о ближнемъ иногда не смотря на свою несправедливость можетъ быть все таки невиненъ, какъ основанный на обстоятельствахъ, придающихъ ему извѣстную очевидность правды; и, въ тоже время, при всей своей справедливости, онъ можетъ быть виновенъ, какъ произнесенный безъ достаточныхъ фактовъ.

Дерзкій судъ можетъ состоять изъ двухъ вещей: легкомысленнаго мнѣнія о ближнемъ и легкомысленнаго перетолковыванія его дѣйствій. Мы нерѣдко составляемъ невыгодное мнѣніе о ближнемъ по одной кажущейся примѣтѣ, которую не стараемся испытать глубже; еще чаще — по одной людской молвѣ, которую не только не заботимся, но, можетъ быть, даже боимся провѣрить. Чтобы

убѣдиться въ виновности ближняго, намъ иногда бываетъ достаточно одной клеветы, невыходящей изъ предѣла правдоподобія, которая, однако, можетъ быть слѣдствіемъ враждебныхъ отношеній къ нему, ложныхъ слуховъ, ничѣмъ не доказанныхъ, личныхъ интересовъ того, кто распускаетъ ее и тому подобныхъ недобросовѣстныхъ началъ. Относясь такъ легковѣрно ко злу, мы вообще затрудняемся вѣрить добру, и для повѣрки его употребляемъ всевозможныя изслѣдованія, желая повѣрить ему не иначе, какъ послѣ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ.

Но еще преступнѣе та свобода, съ какою перетолковываютъ дѣйствія ближняго сообразно съ своею злобою на него. Самый разительный примѣръ подобнаго суда представляютъ намъ Іудеи, приписывавшіе строгую жизнь Іоанна Крестителя обладанію демономъ, а общественную жизнь І. Христа—любви къ удовольствіямъ и дружбѣ съ грѣшниками (Мате. XI. 18. 19). Въ этомъ отношеніи можно грѣшнить двумя способами: или судя о дѣйствіяхъ человѣка по его личности перетолковывать въ худую сторону все его намѣренія; или судя о человѣкѣ по его дѣйствіямъ приписывать глубокой порчѣ нрава то, что можетъ быть случилось по невѣжеству, оплошности или немощи. Если дѣйствіе похвально—ему усвоятъ порочное побужденіе; если оно—двусмысленно—его понимаютъ съ самой оскрѣбительной стороны; если оно дурно—его преувеличиваютъ до крайности. А между тѣмъ ничего нѣтъ опаснѣе этой, ни на чемъ не основанной, притязательности на знаніе людей, которая, опираясь на свое вображаемое искусство опредѣлять характеры и вѣрно разбирать запутанныя вещи, часто изъ жестовъ, рѣчей, дѣйствій, вырвавшихся по торопливости или промаху, уже заключаетъ о правилахъ, наклонностяхъ, поведеніи, замыслахъ ближняго. Воздвигая въ своемъ умѣ какъ бы трибуналъ, въ который призывается ближній для допроса, она, послѣ несправедливаго суда надъ нимъ, произноситъ съ всякаго права самый легкомысленный и надменный приговоръ. Не будемъ искать себѣ оправданій въ томъ, что мы не обнаруживаемъ своего суда и неповинны въ оклеветаніи ближняго; І. Христось запрещаетъ намъ не только клевету, но и осужденіе: *«ты кто, который судишь другого?»* говорятъ намъ Апостолы (Рим. XIV. 4. Іак. IV. 12). Чтобъ понять грѣхъ и опасность этой свободы, рассмотримъ ея основныя начала и дѣйствія.

Восходя къ коренному началу дерзкаго суда, мы открываемъ, что онъ почти всегда происходитъ отъ одной изъ трехъ причинъ. Въ однихъ, отъ зависти: ослѣпленные чужою добродѣтелію, раздраженные славою и возвышеніемъ нѣкоторыхъ людей, они стараются

вознаградить свою печаль удовольствіемъ унижить ихъ и тѣмъ по-
дорвать пріобрѣтенное ими уваженіе. Въ другихъ, отъ гордости:
прежде всего тѣ, которые позволяютъ себѣ подчинять дерзкому
разбирательству людей уже этимъ самымъ выказываютъ нѣкотораго
рода превосходство надъ ними; потомъ, дѣлая внутренно сравне-
ніе, они дѣйствительно воображаютъ себя лучше другихъ и вслѣд-
ствіе этого присвоиваютъ себѣ право суда надъ ними. Наконецъ,
въ третьихъ, отъ желанія извинить свои пороки: насчитывая ог-
ромное количество людей, раздѣляющихъ ихъ пороки, они ду-
маютъ этимъ самымъ уменьшить ихъ важность въ своихъ соб-
ственныхъ глазахъ, подобно преступнику, который, умножая своихъ
соучастниковъ, льститъ себя надеждою избѣжать осужденія или,
по крайней мѣрѣ, смягчить его. Вотъ обыкновенныя начала то-
ропливости и легкомыслія нашего дерзкаго суда! Такимъ образомъ,
сильно распространившись въ обществѣ вслѣдствіе этихъ трехъ
причинъ, встрѣчаемыхъ у большинства людей, онъ потому самому
виновенъ, что вытекаетъ изъ чувства, зараженнаго страстями.

Если отъ причинъ дерзкаго суда мы перейдемъ къ его дѣй-
ствіямъ, тогда еще яснѣе открывается его грѣховность. Кто можетъ
исчислить все зло, произведенное имъ въ мірѣ? Сколько возникло
раздѣленій, вражды, ненависти, клеветъ, ссоръ, кровопролитныхъ
войнъ вслѣдствіе этой единственной причины! Достаточно нѣсколь-
кихъ словъ безразсуднаго суда, чтобъ произвести охлажденіе са-
мой искренней дружбы, раздѣленіе самаго мирнаго семейства,
разлученіе самыхъ вѣрныхъ супруговъ, разъединеніе самаго сог-
ласнаго общества. Это искра, которая, превращаясь въ пожаръ,
испепеляетъ все, встрѣчаемое на пути!

Мы часто огорчаемся и горько жалуемся на легкомысленное
осужденіе насъ самихъ: слѣдовательно, этотъ судъ виновенъ, если
касается нашей собственной личности? Но, однако, какой же за-
конъ почтилъ насъ правомъ, преимущественнымъ предъ нашими
братьями? Вѣчный законъ, внушенный природою и освященный
религіею, повелѣваетъ намъ поступать съ ними такъ, какъ желаемъ,
чтобъ и они поступали съ нами. Въ этой заповѣди заключаются
всѣ наши обязанности относительно насъ. Если мы требуемъ отъ
нихъ суда обдуманнаго, справедливаго, снисходительнаго, въ такомъ
случаѣ мы сами должны руководствоваться подобнымъ же правиломъ.
Практика этой обязанности, доставляющая намъ великую пользу
въ теченіи цѣлой жизни, требуетъ нѣкотораго раскрытія.

Чтобъ избѣжать порока дерзкаго суда, главное средство со-
стоитъ въ преобразованіи порочной наклонности — подвергать ему

людей. Начнем исторгать из нашего сердца чувство злобы, его порождающей, которая, по внушенію врага нашего спасенія, заставляет насъ иекать въ дѣйствіяхъ ближняго зло и радоваться при достиженіи этой цѣли; постараемся лучше не знать виновныхъ, и мы увидимъ ихъ гораздо менѣе. Не открываетъ ли намъ Апостоль, что одна изъ существенныхъ характеристическихъ чертъ заповѣданнаго намъ милосердія, которое должно управлять всѣми нашими дѣйствіями есть *не мыслить зла и не радоваться неправдѣ?* (I Кор. XIII. 5. 6). Примемъ вообще за правило милосердія то, что мы дѣлаемъ по чувству дружбы, — тогда нашъ судъ не будетъ руководствоваться двумя различными правилами — смотрѣть снисходительно на поступки тѣхъ, кого мы любимъ и — представлять въ невыгодномъ свѣтѣ поступки другихъ. Если бы мы поступали по закону Божию, не исключаящему ни одного человека изъ нашей любви, тогда бы злоба исчезла изъ нашего сердца, уступивъ свое мѣсто удовольствію видѣть только добродѣтели въ нашихъ братіяхъ, потому что царство любви произвело бы въ нашемъ разумѣ два спасительныхъ дѣйствія, которыя управляли бы нашимъ судомъ: она поощряла бы насъ къ предположенію въ ближнемъ добра и извиненію зла.

Такъ какъ любовь понуждаетъ насъ къ предположенію въ ближнемъ добра, то для насъ очень важно знать, — какъ далеко простирается ея предписаніе и на какой точкѣ оно останавливается. Предполагать добро, значитъ имѣть хорошее мнѣніе о ближнемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ важныхъ причинъ, для перемѣны этого мнѣнія. Это значитъ — представлять его дѣйствія въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, къ какому только возможно примѣнить ихъ: такъ, поступкамъ обыкновеннымъ придавать самыя честныя побужденія, на поступки двусмысленныя смотрѣть съ похвальной стороны. Но предписанія любви не простираются далѣе этого: предполагать добро не значитъ вѣрить ему слѣпо; не имѣть дурнаго мнѣнія о человекѣ безъ побудительной причины или безусловно быть увѣреннымъ въ добръ — двѣ вещи совершенно различныя. Судъ предположительный всегда простирается только до извѣстнаго предѣла: принадлежа къ разряду вѣроятностей онъ не достигаетъ совершенной увѣренности. Такимъ образомъ, все наше поведеніе относительно ближняго управляется двумя добродѣтелями: любовью, влекущую насъ къ нему и благоразуміемъ, предостерегающимъ самихъ себя, которыя, взаимно колеблясь между собою предохраняютъ насъ отъ всякой чрезвычайности. Любовь — запрещаетъ дерзкій судъ, благоразуміе — безразсудную доувѣренность; любовь повелѣваетъ намъ имѣть самое лучшее мнѣ-

ніе о ближнемъ, благоразуміе—не сближаться безъ разбора съ людьми всякаго рода.

Говоря что любовь заставляетъ извинять зло, мы разумѣемъ здѣсь не преступныя дѣйствія, потому что первая и высшая изъ добродѣтелей не можетъ одобрять порока. Самый милосердый христіанинъ болѣе всего страшится грѣха; видя его гдѣ бы нибыло, онъ презираетъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаетъ любить виновнаго. Онъ не смѣшиваетъ въ своемъ отвращеніи преступника съ преступленіемъ и, ненавидя грѣхъ, онъ искренно жаждетъ оправдать грѣшника. Если представляется возможность уменьшить его вину, любовь съ радостію хватается за нее: она любитъ думать, что дурной поступокъ произошелъ не отъ порочнаго намѣренія, что онъ могъ быть слѣдствіемъ невѣденія зла, что совершившій его былъ увлеченъ нечаянно, застигнутый въ минуту оплошности; но никогда не судитъ ни о развращенности виновнаго, ни о глубокой порчѣ права заблуждашаго.

Если, какъ нерѣдко случается, грѣхъ не удобно ничѣмъ извинить; если обстоятельства, сопровождавшія его, только усложняютъ его; если частое повтореніе грѣха доказываетъ глубокую порчу нрава, тогда любовь опять употребляетъ надъ грѣшникомъ свою вѣжность. Она болѣе сожалеетъ, нежели порицаетъ его, оплакиваетъ несчастную случайность, вовлекшую его въ грѣхъ, умоляетъ небесное милосердіе о его обращеніи и, бросая на себя взглядъ не тщеславія, но смиренія и самосознанія, она думаетъ, что, въ подобномъ обстоятельствѣ, она могла бы впасть въ большее преступленіе, а потому воздаетъ славу Богу, охраняющему ее своею божественною благодатію. Такимъ образомъ, свисходительно извиняя ошибки однихъ, сострадая заблужденію другихъ, любовь всегда исполнена милосердія ко всемъ, имѣвшимъ несчастье подвергнуться имъ.

Прощайте, и прощены будете.

Второй видъ милосердія, производимый І. Христомъ изъ этой общей заповѣди, есть прощеніе обидъ. Повелѣніе это очень мало извѣстно,—еще меньше исполняемо на дѣлѣ; хотя соблюденіе его дѣйствительно и трудно, но за то въ высшей степени справедливо и бесконечно выгодно.

Евангеліе запрещаетъ намъ не преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ вины или убытка, нанесенныхъ намъ. Безъ сомнѣнія, мы можемъ искать удовлетворенія за нихъ въ судѣ, впрочемъ не о-

ступая отъ правилъ милосердія. Наша оскорбленная честь, похищенное богатство, подвергшаяся опасности жизнь суть блага, на которыя мы имѣемъ полное право; поэтому, законъ религіи согласно съ закономъ гражданскимъ уполномочиваетъ насъ на сохраненіе ихъ. Намъ запрещено самимъ производить правосудіе, ставить нашъ произволь выше закона, страсть гнѣва и ярости—выше приговоровъ суда. И какъ несправедливъ, жестокъ, разрушителенъ для общества былъ бы законъ, который предоставлялъ бы каждому частному лицу право наказанія за свое оскорбленіе. Какой судъ можетъ быть ужаснѣе того, гдѣ оскорбленный пользуется властію повѣрять дѣйствительность своей обиды, измѣрять ея силу, произноси въ удовлетворяющій ее приговоры! Аманъ, возбравъ себя оскорбленнымъ потому только, что Мардохей отказывалъ ему въ поклоненіи, въ наказаніе, за это вымышленное оскорбленіе, готовился истребить цѣлую націю!

Этотъ законъ кажется намъ тягостнымъ: но размыслимъ о немъ основательнѣе и мы увидимъ всю его благотворность. Прежде всего, онъ погашаетъ въ нашемъ сердцѣ ужасное чувство ненависти, причиняющей намъ гораздо болѣе несчастія, нежели предмету, на которое изливается; онъ ослабляетъ этотъ ядъ, отравляющій насъ, убиваетъ этого непрерывно грызущаго насъ червя, угашаетъ это пожирающее насъ пламя и чрезъ это освобождаетъ насъ отъ внутренняго врага, вліяніе котораго гораздо пагубнѣе тѣхъ, на которыхъ мы жалуемся. Далѣе обратимъ вниманіе на ужасныя послѣдствія этого права для всей нашей жизни. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ пользоваться исключеніемъ и свободою тамъ, гдѣ другіе подчинены ему; слѣдовательно, удовлетворяя нашей мести мы уполномочиваемъ на нее и другихъ противъ себя, такъ какъ употреблять извѣстную мѣру значить поощрять ее и обращать противъ самаго себя. Но законъ, запрещая намъ мщеніе, въ тоже время, покровительствуетъ намъ: укрощая наши собственные удары онъ предотвращаетъ тѣ, которые могутъ быть направлены противъ насъ; линая насъ печальнаго наслажденія мести, онъ освобождаетъ насъ отъ той, которой легко можемъ подвергнуться и мы.

Теперь отъ интересовъ земныхъ перейдемъ къ интересамъ небеснымъ—вѣчнымъ. Кто изъ людей непричастенъ грѣху? Безъ сомнѣнія не тотъ же, кто питаетъ въ сердцѣ ненависть и мщеніе; слѣдовательно, мы всѣ нуждаемся въ божественномъ прощеніи, а потому обязаны отпустить ближнему его долги противъ насъ для Бога, который непрерывно прощаетъ намъ безчисленныя согрѣшенія противъ Него. Положимъ, что мы чувствительно оскорбле-

ныи человекѣмъ; но мы сами развѣ не оскорбители величія Божія? Мы ссылаемся на важность оскорбленія; но наша совѣсть развѣ не упрекаетъ насъ въ грѣхахъ безмѣрныхъ? Богъ, требуя отъ нашего поведенія только сообразнаго съ Его поступками противъ насъ, полагаетъ нашу участь въ нашихъ собственныхъ рукахъ: *прощайте, и прощены будете*. Такое условіе полно любви! Такое правосудіе растворено безконечнымъ милосердіемъ нашего Бога! Есть—ли какая нибудь пропорціональность между Его требованіемъ и обѣщаніемъ? Сравнивъ наше оскорбленіе съ оскорбленіемъ Божиимъ, наше прощеніе съ Его прощеніемъ, какую отговорку можемъ мы противопоставить нарушенію этого справедливаго приговора? Если скажемъ, что оскорбленіе было слишкомъ велико, — то Богъ прощаетъ намъ гораздо болѣе; если укажемъ на разстояніе между нами и оскорбителемъ, — то Богъ безконечно превосходитъ насъ; если сошлемся на благодаренія, оказанныя ему, — то они ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми, которыми Богъ осыпаетъ насъ.

Будемъ же всякую минуту нашей жизни благословлять охранительный законъ, воспрещающій намъ мщеніе. Хотя мы находимъ его строгимъ и тягостнымъ, но все таки не можетъ не признать его благотѣльности и гораздо большей выгоды для насъ, нежели для враговъ, которыхъ онъ повелѣваетъ шадить.

Дайте, и дастся вамъ: мѣрою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше; ибо какою мѣрою мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ.

Третья заповѣдь милосердія, данная здѣсь І. Христомъ есть милостыня. Неравное раздѣленіе между людьми благъ земныхъ, надѣль однихъ богатствомъ и лишенія другихъ служиди не рѣдко предметомъ удивленія и даже поводомъ къ ропоту. Но, возвысивъ нашъ умъ, мы открываемъ здѣсь иную цѣль, полную премудрости. Этотъ мнимый беспорядокъ служитъ основаніемъ соціального порядка, общественной зависимости, побудительною причиною къ труду; тогда какъ равномерность богатства необходимо произвела бы раздѣленія въ обществѣ. Бѣдные не должны скорбѣть о своей доль, опредѣленной имъ неравенствомъ, потому что Провидѣніе неусыпно бдитъ надъ ними и, по своимъ благотѣльнымъ законамъ, готовитъ имъ вмѣсто настоящаго утѣщенія неизмѣримую награду въ будущей жизни. Также и богатые не должны превозноситься тѣми преимуществами, которыя доставляетъ имъ этотъ неравный раздѣлъ, потому что онъ налагаетъ на нихъ и особенныя обязанности. Богъ, верховный Властитель всякаго блага, вручивъ

имъ земныя богатства, требуетъ и сообразнаго употребленія ихъ; Онъ помнитъ и о другихъ чашахъ, стоющихъ въ чашахъ любознанныхъ Ему, которыми и повелеваетъ удѣлять часть земныхъ благъ въ такой необильной мѣрѣ представленной имъ. Ему угодно, чтобъ богатые почитали себя не обладателями, но только хранителями и раздавателями земныхъ сокровищъ; и поручивъ имъ это служеніе, Онъ принимаетъ ихъ какъ бы въ участники своего промысла бѣдныхъ, для которыхъ одинокъ во съ ними сотворены земныя блага. Впрочемъ, мы не должны преувеличивать предписаній Его закона и думать, что Его намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ богатые приходили въ нищету, избавляя отъ бѣдности другихъ. Великій Апостолъ, вѣрный истолкователь Его повелѣній, говоритъ: *Богъ не требуетъ, чтобы другимъ было обремененіе, а вамъ тяжесть; но чтобы была равномерность. Какъ написано: кто собралъ много, не имѣлъ лишняго; и кто мало, не имѣлъ недостатка.* (II Кор. VIII. 13, 15). Вотъ какимъ образомъ, божественная религія — это начало всякаго благоустройства — устанавливаетъ равновѣсіе между людьми. На основаніи ея однихъ премудрыхъ законовъ она одна можетъ доставить людямъ возможное равенство и уничтожить порочное настроеніе умовъ, выразившееся въ недавнее время въ дѣлѣтвеніи коммунистовъ — перевернуть весь социальный порядокъ, существовавшій до сихъ поръ. Что значатъ слова Премудраго — *богатъ и нищъ спрятости другъ друга; обоихъ же Господь сотвори.* (Притч. XXII. 2), какъ не то, что Богъ повелеваетъ бѣдному работать для богатаго, а богатому — отверзать свои сокровищницы для бѣднаго? Соблюденіе этихъ двухъ обязанностей, искорененія изъ сердца однихъ зависть, изъ сердца другихъ — тщеславіе, составляетъ и въ этомъ мѣрѣ счастье обоихъ и въ вѣчности обезпечиваетъ его.

Нужно, однако, сознаться, что выполненіе этой обязанности очень различно. Для бѣдныхъ выполненіе ея гораздо труднѣе, какъ приуроченныхъ къ тому необходимостью заботиться о своемъ существованіи; тогда какъ для богатыхъ, свободныхъ отъ этой потребности, удовлетвореніе ея гораздо легче. А между тѣмъ, они пренебрегаютъ настоящимъ употребленіемъ своего богатства и заботятся исключительно о наслажденіи имъ, какъ будто получили его отъ Бога съ тою лишь цѣлю, чтобъ насыщать свою роскошь, умножать удовольствія, удовлетворять преступнымъ страстямъ. Сколько богатыхъ смотрятъ равнодушно на множество Лазарей, напрасно воздыхающихъ о крошкахъ съ ихъ пышнаго стола! Заповѣдь о милостыни менѣе всѣхъ извѣстна тѣмъ, которымъ она преимущественно предписывается и они даже относятъ ее къ раз-

раду совѣтовъ. Неужели милостыня простой совѣтъ?..... Усвоить ей такое значеніе значить издѣваться надъ Провидѣніемъ, которое, поэтому, предоставило самый многочисленный классъ, имѣющій нужду въ Его особенномъ попеченіи, произволу и капризу нѣсколькихъ личностей, изобилующихъ всеми земными благами. Если бы милостыня была только простой совѣтъ, тогда св. Апостоль Павелъ не поручилъ бы своему ученику Тимофею *увѣщавать*, а не просить богатыхъ настоящаго вѣка, *чтобы они благотельствовали, богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны.* (I Тим. VI. 17. 18). Да и Самъ Бож. Спаситель не отговаривалъ бы въ огонь вѣчный, уготованный демонамъ, тѣхъ, которые, въ лицѣ бѣдныхъ, не накормили, не напоили, не одѣли, не приняли, не посѣтили Его. (Матѣ. XXV. 41. 42. 43). Хотя мы можемъ и изъ состраданія помочь какому—либо несчастному, но элимъ не ограничивается обязанность этой строго—правосудной заповѣди; она простирается на всякаго нуждающагося вообще, и особенно относится къ Богу, требующему по праву ея исполненія. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ оспаривать Его собственнаго обѣщанія—зачислить за Собою все, сдѣланное для одного изъ Его меньшихъ братьевъ, (Матѣ. XXV. 40) въ лицѣ которыхъ Онъ Самъ принимаетъ подать, принадлежащую Ему какъ Царю и Верховному Владыкѣ богатствъ. Если же Онъ установилъ ихъ какъ бы сборщиками податей, то чрезъ нихъ и доходить наше приношеніе до Него, чтобъ составить намъ сокровище на небесахъ, гдѣ мы нѣкогда найдемъ его въ полномъ собраніи.

Мы обязаны платить милостыней за самое право владѣть богатствомъ; сдѣлавшись уже грѣшниками; мы еще болѣе увеличили эту обязанность. Царю, говоритъ Пророкъ Даниилъ Навуходоносору, повинному во многихъ грѣхахъ, *совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ; негли будетъ домогертливъ грѣхомъ твоимъ Юдѣ.* (Даниил. IV. 24). Эта добродѣтель обладаетъ такимъ могуществомъ, что, по словамъ премудраго Сираха, *блещаетъ грѣхи подобно водѣ угашающей пламя.* (Сир. III. 30). Не будемъ, однако, перетолковывать это изреченіе Св. Писанія: милостыня сама по себѣ не имѣетъ силы разрѣшать отъ смертныхъ грѣховъ; власть эта принадлежитъ только таинству искупленія и неизреченному милосердію Самаго Бога. Но, если она не можетъ совершить отпущенія грѣховъ, то можетъ приготовить къ нему, преклоняя Бога къ милосердію и изліянію на насъ благодати, располагающей сердце къ покаянію. Это значить, что когда наши молитвы, слабыя и порочныя по своей грѣховности, остаются безъ дѣи твоя, тогда молитвы бѣднаго сильныя и дѣйствительныя могутъ исхода-

таждествомъ намъ просимое; по откровенію Св. Писанія: *моленіе нищато мзъ уста до ушию его.* (Сир. XXI. 6). Не будемъ же сомнѣваться, что эти несчастные всякаго рода, получая отъ насъ благовременную помощь, которая поддерживаетъ ихъ существованіе, шадитъ ихъ робость или стыдливость, улаживаетъ несчастія, удерживаетъ на краю гибели, готовой удречь ихъ въ бездну порока и разврата, могутъ исходатайствовать намъ милосердіе Божіе. Ихъ молитвы, проникающія въ самое небо, низведутъ на насъ многоразличную благодать Божію; благодать исправленія и усовершенствованія въ добрѣ, благодать смиренія и кротости, благодать терпѣнія скорбей и побѣды искушеній, благодать покорности въ несчастіи. Богъ, молитвами бѣдныхъ, даруетъ намъ все это въ награду за милостыню, по откровенію Самаго І. Христа, опредѣляющаго мѣру даровъ Божіихъ мѣрою нашихъ даровъ Его нищей братіи. Обезпеченные Его собственнымъ общаніемъ, мы имѣемъ въ рукахъ самое легкое средство — получить желаемое, тѣмъ болѣе, что Онъ требуетъ отъ насъ только того, что мы можемъ удѣлить безъ ущерба себѣ. Не будемъ опасаться, если наши средства ограничены; мы видимъ изъ Св. Писанія, что самая малая жертва можетъ быть угодна Ему. Такъ, Товитъ говоритъ своему сыну: *якоже тебѣ будетъ по множеству, твори отъ нихъ милостыню: аще мало тебѣ будетъ, по малому да не боишися творити милостыню.* (Тов. IV. 8) Изъ всѣхъ подаваній, вверженныхъ въ сокровищницу Иерусалимскаго храма, двѣ денги бѣдной вдовицы были болѣе всѣхъ пріятны Господу. (XXI. 3. 4). Слѣдовательно, Онъ взираетъ не на количество нашихъ даровъ, но на соразмѣрность ихъ съ средствами и на чувство, изъ котораго истекаютъ они.

П. М.

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Продолженіе).

Развивая въ сердцѣ христіанина чувство живой вѣры въ Бога, Господь указываетъ далѣе на примѣры отеческой попечительности Его въ царствѣ животномъ и растительномъ.

Взгляните, говоритъ Онъ, на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? ⁷⁵⁾

75) Мат. 6, 26. Общее выраженіе *πάτερ σου οὐρανῶν* Лука специализируетъ, говоря: *πάτερ σου οὐρανοῦ* (12, 24)

И действительно, въра въ отеческую заботу Бога о тварахъ не можетъ не пробуждаться въ сердцѣ чловѣка при взглядѣ на господство Его въ природѣ. Въ матеріальномъ отношеніи чловѣкъ родственъ съ физическою природою вообще; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ также безусловно можетъ полагаться на отеческую любовь Божию, какъ и птица небесная, тѣмъ болѣе, что чловѣку присущъ божественный принципъ жизни, возвышающій его надъ всѣми тварями животнаго царства. Если же Богъ заботится и о самомъ незначительномъ животномъ — воробѣ, то неужели же Онъ не станетъ заботиться о чловѣкѣ, который превосходитъ всѣ твари животнаго царства? Да и къ чему излишнія заботы о тѣлѣ?

Ибо кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту *хотя* на одинъ локоть? ⁷⁶⁾

Безсиліе твари противопологается здѣсь полнотѣ силъ Творца, который питаетъ все сущее тлающее. Чловѣкъ не можетъ возрости ни изъ одного стебля; онъ ничего не можетъ извѣстить даже въ себѣ самомъ. — По Вулгаріу, Вайтхейсу, Лютеру и Фричу, *trixis* означаетъ стая, ростъ; по Гамонду, Болюфу, Ольсгаузену ⁷⁷⁾, Эвальду и Меннеру ⁷⁸⁾ — продолженіе жизни. Словоупотребленіе за то и другое; связь — за послѣднее; потому а) что рѣчь идетъ здѣсь о сохраненіи жизни, слѣдовательно — продолженіи; б) прибавленіе росту на локоть не было бы чѣмъ то маловажнымъ, что разумѣется здѣсь, но, напротивъ, чѣмъ то чудовищнымъ, удивительнымъ. Поэтому локоть должно понимать здѣсь въ переносномъ смыслѣ, соответственно общему образу, по которому продолженіе жизни представляется какъ опредѣленная мѣра.

Если же не должно тоскливо заботиться о снисканіи пищи, то тѣмъ болѣе не должно слишкомъ хлопотливо заботиться о приобрѣтеніи одежды.

Посмотрите, говоритъ Господь, на полевая дилія, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, и не прядутъ. Но Я говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ ⁷⁹⁾.

76) Мат. 6, 27.

77) Стр. 232.

78) Стр. 192.

79) Мат. 6, 28—29.

Посмотрите на полевую лилию, *schuschap*⁸⁰): Соломонь пред- ставитель неподражаемаго человеческого величія для израильтянъ⁸¹), во всей славі своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Прекрасная лилия — это роскошное произведеніе восточной природы; растущія на поляхъ и лугахъ Палестины и Месопотаміи, служили ему украшеніемъ и все-таки онъ не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Указаніе, что образы природы превосходятъ по своей красотѣ и величію всѣ образы искусства; искусство можетъ только подражать природѣ. Какое сильное побужденіе къ безусловной вѣрѣ Отца небеснаго! Который такъ роскошно одѣвается великое и малое!

Если же траву полевую, которая сегодня есть, завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, маловѣры⁸²).

На поляхъ и лугахъ обитованной земли растутъ безъ всякаго ухода со стороны человѣка очень красивые виды цвѣтовъ, подъ которыми можетъ быть разумѣется здѣсь великолѣпная пурпуровая или желтая царская лилия или императорская корона, въ три фута высоты, съ темнокраснымъ стеблемъ и цвѣтами въ видѣ короны, на верху которой торчитъ пучекъ листьевъ⁸³). Декоративная въ Палестинѣ трава засыхаетъ, если дуетъ на нее сильный восточный вѣтеръ въ теченіе двухъ дней, и она называется для сожженія. И однако Господь одѣваетъ такъ великолѣпно эту ничтожную траву! Неужели же Онъ не станетъ одѣвать человѣка — это прекраснѣйшее твореніе въ мірѣ?

Итакъ не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или, что пить? или, во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ⁸⁴).

Тоскливая забота о пищѣ, питьѣ и одеждѣ есть основная характеристическая черта язычества; она-то и отдаляетъ язычниковъ отъ живаго Бога, на имя котораго они ставятъ слѣпой ещареву, погружаясь въ грубое многобожіе и идолопоклонство.

80) Пѣс. Пѣс. 2, 1.

81) 2 Пар. 9, 15.

82) Мат. 6, 30.

83) Пѣс. Пѣс. 4, 5. 2. 3 Пар. 7, 19.

84) Мат. 6, 31—32.

Господь упоминаетъ здѣсь о язычникахъ въ третій разъ. Это потому, что книжники и фарисеи въ ложной самоувѣренности своей хвалились, что они чужды всего, что выросло на языческой почвѣ. Но это было горькое самообольщенье: они твердою ногою стояли на языческой точкѣ зрѣнія, какъ это видно изъ опредѣленій ихъ о ненависти ко врагу, изъ ихъ ложной духовности въ молитвѣ и т. п.

Увѣщаніе не заботиться слишкомъ много о пищѣ и одеждѣ. Господь заключаетъ указаніемъ на предметъ истинной заботы.

Ищите, говоритъ Онъ, во первыхъ царства Божія и правды его, и это все приложится вамъ. Итакъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ. Довольно для каждаго дня своей заботы ⁸⁵⁾.

Μεριμᾶνъ противоположно здѣсь ἐπιταῖν. Первое означаетъ телесную заботу безъ Бога ⁸⁶⁾, второе — неуклонное стремленіе къ Богу и съ Богомъ ⁸⁷⁾. Προῖονъ означаетъ предшествующее заботѣ о земныхъ благахъ стремленіе къ царству Божію. Царство Божіе должно понимать здѣсь въ неопредѣленной всеобщности какъ внутреннее и внѣшнее царство Божіе, равно какъ и правду, составляющую существенную ингрѣдиенцію царства Божія ⁸⁸⁾, упоминаемую здѣсь для болѣе ясной и опредѣленной характеристики царства Божія въ его существѣ. Προσθεῖσθαι указываетъ на божественное, какъ ближайшій и дѣйствительный предметъ человеческого стремленія, вмѣстѣ съ которымъ дается все нужное для тѣлесной природы человѣка случайно и необходимо, если стремленіе это есть истинное стремленіе къ Богу. Отсюда увѣщаніе оканчивается начальными словами: μή μεριμνήσητε ⁸⁹⁾. Εἰς τὴν σπουδὴν ограничиваетъ заботу человѣка настоящимъ. Но въ понятіи

85) Мат. 6, 33—34.

86) Лука 12, 29. присоединяетъ еще: μή μετασφραδίζετε. Выраженіе это находится въ новозвѣтѣ только въ этомъ мѣстѣ. Въ прочихъ звѣтѣхъ оно встрѣчается часто, какъ и μετασφραδίζω вмѣстѣ съ производными словами μετασφραδισμός, μετασφραδιστής, — всегда въ значеніи быть гордымъ (Пс. 130, 1. Евк. 10, 16—17. 2 Мак. 5, 17. 7, 35). Въ значеніи suspenso esse apinso оно встрѣчается только здѣсь. Μετασφραδισμός, μεριμνα противопоставляется βραδύτης κτίσις.

87) Впрочемъ, по 12, 29 Лук. Συταῖν равно μεριμναῖν.

88) Рим. 14, 17.

89) Мат. 6, 25.

заботы заключается понятие будущаго; настоящее также имѣть свою заботу, слѣдовательно, требованіе не заботиться имѣть здѣсь общій смыслъ, какъ это видно и изъ непосредственно слѣдующихъ словъ: ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ, въ которыхъ пекущимся является Богъ, Виновникъ будущаго, потому что и самое время, къ которому относится забота, зависитъ отъ Бога. Притомъ же во всякій данный моментъ времени человекъ имѣть свою заботу, *кахла*, которое означаетъ физическое зло въ его нравственномъ принципѣ⁹⁹).

(Продолженіе слѣдуетъ).

О КАРТОЧНОЙ ИГРѢ.

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ оговориться, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній и пререканій. Пусть не упрекаютъ насъ въ односторонности и узкости взгляда на обязанности житейскаго человека, и въ излишней строгости къ его удовольствіямъ и развлеченіямъ. Мы очень хорошо знаемъ, что человекъ не ангелъ, что непрерывно держаться въ сферѣ одного серьезнаго и важнаго ему невозможно, что веселье, игра и удовольствіе ему по временамъ стольже бывають нужны, сколько разнообразіе въ пищѣ, для поддержанія бодрости и энергіи его духа. Извѣстно, что колеблющаяся волны даютъ жизнь и движеніе огромной массѣ воды; дуновеніе вѣтра разноситъ свѣжесть и прохладу въ атмосферѣ, которой мы дышемъ. Мы готовы признать именно такое освѣжающее значеніе въ человѣческихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ.

90) *Ἀρχετός* встрѣчается еще у Мат. 10, 25. и Титр. 4, 3.—Что касается критики текста 34 ст. 6 гл. Маттея, то въ немъ различно варьируютъ слова: *ἢ γὰρ ἀδρῶν μεριμνήσει τὰ ἑαυτῆς*, — выпускаетъ то *τὰ ἑαυτῆς*, то только *τὰ*, то ставятъ *περὶ ἑαυτῆς* или *ἑαυτῆ*. Все это въ существенномъ не измѣняетъ мысли 34 ст.; но обыкновенная конструкція *μεριμνάω*—*seq. accus.*, хотя, по Ольсгаузену, болѣе вѣрный интерпункція, отступающая отъ обыкновенной, есть интерпункція, принятая въ текстѣ Фрича: *μὴ ὄν μεριμνήσητε εἰς τὴν ἀδρῶν. Ἡ γὰρ ἀδριὸν μεριμνήσει. Τὰ ἑαυτῆς ἀρχετόν τῆ ἡμέρα, ἢ κακία αὐτῆς. Ἡ κακία αὐτῆς ὀτιο-*

Но вопервыхъ всякое развлеченіе, чтобы достигало указанной почтенной и истинно человѣческой цѣли, должно все таки содержать въ себѣ нѣкотораго рода духовную пищу—въ одно и то же время и легкую и питательную для человѣческаго духа, конечно соответствующую возрасту, наклонностямъ и темпераменту человѣка. Т. е. игра и развлеченіе не должны быть безцѣльною тратой или убиваніемъ времени, а должны пріятнымъ и достойнымъ образомъ дѣйствовать на воображеніе и чувства человѣческія, дабы живя на нѣкоторое время преимущественно этими прекрасными и нѣжными своими способностями человѣкъ нашелъ успокоеніе отъ своихъ умственныхъ трудовъ, или невзгомы житейскихъ. Короче: игра и удовольствіе—должны носить на себѣ печать человѣческаго достоинства. Такое понятіе объ этомъ предметѣ можно найти въ люомъ, рационально составленномъ педагогическомъ руководствѣ.

Приложимъ это понятіе къ карточной игрѣ. Какая въ ней пища для воображенія и чувства человѣческаго? Изящныхъ образовъ и картинъ, кромѣ примелькавшихся значковъ и фигуръ, нѣтъ никакихъ. Интересныхъ психологическихъ случаевъ и явленій, вызывающихъ на размышленіе и пробуждающихъ идеальныя мечты и отчаяныя надежды—здесь тоже нѣтъ, кромѣ монотонно и безконечно повторяющихся бытаній различныхъ мастей. На зеленомъ карточномъ полѣ не растетъ, какъ извѣстно, и не дѣвствуетъ никакимъ образомъ, въ атмосферѣ не слышится никакихъ особенно пріятныхъ звуковъ или благовоній. А между тѣмъ посмотрите, какъ это развлеченіе крѣпко усаживаетъ, или точнѣе—приковываетъ людей къ одному мѣсту. По ихъ серьезнымъ лицамъ видно, что они напряженно мыслятъ; по ихъ сухимъ и отрывочнымъ фразамъ видно, что они волнуется, хоть и прачуть друга отъ друга эти свои волненія; по ихъ притворному смѣху и напускной веселости, и вообще по ихъ нестройнымъ и нервнымъ движеніямъ видно, что кровь у нихъ течетъ быстрѣе обыкновеннаго, и что это именно обстоятельство и имѣетъ для нихъ какую то стягивающую силу. Что же оказывается при внимательномъ наблюденіи? Оказывается, что просто корысть—деньги составляютъ тотъ секретъ, въ которомъ заключается обаятельная сила карточной игры. Оказывается, что это вѣрно не по отношенію только къ страстнымъ и занесеннымъ игрокамъ, но къ играющимъ вообще. Возражать противъ этого кажется трудно. Ибо кто же вдалѣ, чтобы люди за сидѣньемъ за картами, когда игра идетъ бездѣльная? Увлекаетъ и волнуетъ людей непрямойно интересъ, хоть ничтожный,—а все же интересъ. Съ исчезновеніемъ этой кофійки пропадаетъ и весь интересъ игры,—и карты бросаются какъ вещь сама по себѣ ни къ чему ненужная и бесполезная. Не всѣ конечно играющіе

суть игроки, и не всё играют съ корыстною жаждою пріобрѣтенія; но несомнѣнно то, что во всякомъ человѣкѣ, даже и не корыстномъ, когда онъ садится за карты, загорается, такъ — въ видѣ незамѣтной и чуть-чуть тлѣющей искорки, — желаніе выиграть и нежеланіе проиграть, по той естественной причинѣ, что первое пріятнѣе послѣдняго. Судя по характеру и значимости игры, эта искорка можетъ усилиться, и иногда весьма ярко и неожиданно вспыхнуть, чтобы потомъ опять исчезнуть до новаго возбужденія. На такія вспышки человеческая натура, какъ извѣстно, весьма способна. А давайте имъ, этимъ вспышкамъ, хоть изрѣдка пищу, — и человѣкъ будетъ уже искать случаевъ, дабы поиграть! Изъ всего этого выходитъ наружу та несомнѣнная, хоть съ перваго раза и не замѣтная, истина, что карточная игра, даже въ самомъ простомъ и, такъ сказать, пассивномъ видѣ, содержитъ въ себѣ вредное начало, и что если карточное удовольствіе разложить на его составныя элементы, то на днѣ и въ основаніи его получаютъ деньги и корысть; а подобнаго рода удовольствія едва ли можно назвать достойными человѣка!

Есть и еще признакъ, или условіе ради котораго за человеческими удовольствіями и увеселеніями можно признать извѣстную долю добраго и воспитательнаго значенія. Признакъ этотъ состоитъ въ томъ, дабы удовольствіе имѣло характеръ временнаго отдыха, дабы оно столько брало у человѣка времени отъ его серьезныхъ обязанностей, сколько именно нужно для возстановленія его нравственно-духовныхъ силъ, утомленныхъ серьезными трудами и работой. Въ противномъ случаѣ, т. е. если забавы и развлечения — въ чемъ бы онѣ ни состояли, — будутъ поглощать у человѣка значительную, можетъ быть, лучшую часть его времени; если для этихъ забавъ и развлеченій человѣкъ будетъ урѣзывать время отъ своихъ прямыхъ и серьезныхъ обязанностей; если съ волненіемъ и нетерпѣливымъ безпокойствомъ дожидается тѣхъ завѣтныхъ минутъ, когда онъ можетъ предаться любимымъ забавамъ и удовольствіямъ: въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякое нравственное значеніе этихъ забавъ и удовольствій; ибо онѣ дѣлаются дѣлюю человеческой жизни, тогда какъ имъ нужно бы только быть средствомъ для наилучшаго и многоплоднаго перенесенія серьезныхъ жизненныхъ трудовъ и работъ. Всёиъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ, говоритъ Премудрый, — время плакати и время смѣяться, время рыдати и время ликовати (Еккл. III, 4. 4.). На этомъ основаніи недолго страстно преданнаго забавамъ и удовольствіямъ человека, но и любящаго ихъ и сколько болѣе надлежащаго, а мы уже не назовемъ человѣкомъ и не считаемъ серьезнымъ, не назовемъ истиннымъ и вѣрнымъ слугаю

кой,—и справедливо; ибо въ его время препровожденіи есть уже и некотораго рода измѣна долгу, есть не добрые задатки, ибо время—свой наилучшій и драгоценнѣйшій капиталъ—этотъ человѣкъ способенъ размѣнивать на фальшивыя и малоцѣнныя вещи.

Попробуемъ приложить эти общія и безспорно истинныя разсужденія къ карточной игрѣ. Что же, много она беретъ у насъ времени, или нѣтъ? Пусть каждый спроситъ объ этомъ у своей совѣсти. Дѣло такого рода, что произнести объ немъ какія нибудь общія и рѣшительныя заключенія, которыя были бы вѣрны и имѣли бы значеніе по отношенію къ каждому изъ насъ въ отдѣльности,—здѣсь невозможно. Но есть, однакоже, нѣкоторыя весьма замѣтныя и крупныя явленія въ нашей общественной и домашней жизни, по которымъ можно судить о громадномъ количествѣ времени, гибнущаго въ пользу карточной игры. Къ таковымъ явленіямъ можно напр. отнести тѣ многочисленныя въ году, такъ называемыя, клубныя дни, или точнѣе клубныя вечера, являющіяся обыкновенно до полуночи, а иногда и далеко за полночь, и приносимыя весьма и весьма часто почти исключительно въ жертву карточной игрѣ. Живой обитій мыслей о разныхъ общественныхъ явленіяхъ и политическихъ вопросахъ, важная поучительная передача мыслей и чувствъ въ дружеской и откровенной бесѣдѣ—все это оказывается для большей части клубныхъ членовъ только благовиднымъ предлогомъ, и отвлеченною цѣлю, красиво стоящею во главѣ клубныхъ правилъ постановленій. Въ истинѣ же люди тутъ другой имѣютъ умыселъ, и другія преслѣдуютъ цѣли. Собираются въ большинствѣ случаевъ просто за тѣмъ, чтобы убить время,—и действительно убиваютъ его безопадно за игрою. О клубныхъ карточныхъ подвигахъ ведутся потомъ оживленные разсказы и въ клубовъ... Пусть же каждый клубный членъ сосчитаетъ тѣ случаи, когда ему приходилось возвращаться домой въ глухое полночное время, а иногда и при свѣтѣ утренней зари, съ болью въ поясницѣ, съ ослабленными нервами, съ вялыми и красными глазами и съ воображеніемъ, переполненнымъ карточными сценами, пусть сложить все время, проведенное такимъ образомъ въ продолженіи года;—и тогда окажется, какая огромная масса времени затрачивается на игру, и какое количество дѣлъ самыхъ серьезныхъ и важныхъ и найполезнѣйшихъ могъ бы каждый надѣлать за это время!...

Но не менѣе тратится времени на игру и въ домашнихъ собраніяхъ. Эти собранія бывають, какъ извѣстно, весьма частыя и многочисленныя. Можно сказать, вся наша неофициальная общественная жизнь идетъ по вечерамъ и ночамъ, когда на-

стает досугъ отъ службъ и казенныхъ трудовъ. Люди собираются тогда въ группы, и расходятся въ гостеприимныхъ семьяхъ своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Предварительныя бесѣды о томъ о семъ и помысленныя волюю остроты рѣчи о разныхъ текущихъ событіяхъ дня—скоро истощаются, чувствуется потребность запятаться любимыми карточными, дѣломъ—и вотъ предупредительный хозяинъ, подмѣтивъ это движеніе въ своихъ гостяхъ—разставляетъ заѣтѣме зеленые столы,—и общество оживляется: начинается игра, въ которой принимаютъ весьма охотно участіе и женщины. Эти домашнія игры, такъ же какъ и клубныя, дѣлятся обыкновенно до поздней и глубокой ночи. Если наудачу войти въ какой-нибудь изъ нашихъ, ярко освѣщенныхъ среди полнощной тьмы, домовъ—то не будетъ удивительно, что попадете на игру и на играющихъ. Если бы и здѣсь можно было сосчитать все время, приносимое въ жертву домашней игрѣ, то какая поучительная и грустная вышла бы статистика!..

Менѣ удивительно, но не менѣ замѣчательно и то явленіе, что склонность къ игрѣ и жажда карточныхъ удовольствій весьма широко развита даже въ тѣхъ средахъ, которыя не могутъ похвалиться ни особеннымъ избыткомъ досуга, ни житейскими удобствами. Мы сказали, что это не особенно удивительно по сравненію съ высшими и образованными классами; потому что—если эти классы, наиболѣе развитые, могли бы гораздо серьезнѣе и благороднѣе наполнить свое время, и если этого иногда не примѣчается тамъ, то почему не должно примѣчаться въ средахъ менѣ развитыхъ и образованныхъ? Но за-то здѣсь съ особенною, можно сказать, яркостью выступаютъ тѣ горькіе плоды, которые произращаетъ карточная игра. Здѣсь она облекается въ болѣе страстный и задорный характеръ, и ея жалкія удовольствія и волненія покупаются иногда слишкомъ чувствительною и дорогою цѣною для ея любителей. Скучныя средства, добываемыя служебнымъ трудомъ, весьма, конечно, легко и престо разжаты и уничтожены игрой. Но что потомъ? Потомъ начинаются непріятности и себры, дѣлаются долги, и отыскиваются разные способы поправить дѣло; употребляются самыя отчаянныя и безразсудныя для сего средства; пертяція людямъ иногда всю несладкую служебную будущность. Подобные случаи не рѣдкость и въ высшихъ служебныхъ слояхъ; а въ низшихъ и среднихъ чиновничьихъ—они вещь довольно обыкновенная.

Но, оставя частные случаи и отдѣльныя случаи игры, разсмотримъ обращеніе у насъ до безконечности, соотвѣтственное разнымъ слоямъ общественнымъ, ихъ вкусамъ и привычкамъ, попробуемъ сн...

ва обобщить эти сцены, и поставимъ вопросъ: Что значить, что удовольствія и забавы, чувства сами по себѣ, и малюпо своему внутреннему содержанию и характеру, и върядъ, наподобіе карточной игры, могутъ, однако же, приобретать такое широкое и широкое значеніе въ нашихъ обществахъ, и такъ неизмѣрно много поглощать нашего времени? «Праздны вы, и праздны!» — говоритъ некогда Фараонъ, царь Египетскій, Евреямъ, отънавившимъ поды его гостя жемъ и игемъ. Но эти злыя слова, могутъ имѣть и надлежащій и полный смыслъ, если приложить ихъ къ нашему времени. Дѣйствительно, он одоѣваетъ насъ сильно духъ праздности, — тотъ самый, — который ромъ церковъ словами св. Бореа Сирина мѣнится, чтобы Воспомо не далъ его памъ! Этотъ духъ праздности, сказывается явдаже в той самой суегилой поспѣшности нашей, съ которой — мы беремъ иногда за рѣшеніе вслческихъ вопросовъ, какъ житейскихъ, такъ и общественныхъ и даже научныхъ, стремимъ всевозможные планы для созиданія какъ своего личнаго, такъ и общественнаго благоденствія, а между тѣмъ дѣль-то нашихъ всегда выходитъ почему-то далеко меньше, чѣмъ нашихъ желанъ он рѣшайтиса приходится намъ, подражать и оу другихъ, со стороны, занимать то и добро, оу которомъ, повидимому, мы такъ искренно мечтаемъ и сами. Самои дѣятельности и самостоятельной изобрѣтательности у насъ не окаи зывается. Можетъ быть, это иивно потому, что мы неохотники и трудиться, и не привыкли серьезно работать своею мыслию. Судить о и рядить обо всеми, мы любимъ, но болышою частію такъ, чтобы это было при веселой обстановкѣ, въ обществѣ друзей и пріятелей, и даже за карточнымъ столомъ. Даже самыя дѣла благотвоо рительности, мы любимъ иногда дѣлать не иначе, какъ веселясь и и играючи. Какіе же плоды могутъ созрѣть изъ такой легкой и безза содержательной почвъ? И не диво, что при подобномъ направлеи нии — игры и забавы и всическія развлеченія сдѣлались у насъ ка- нимъ-то повальнымъ недугомъ времени. —

Переносъ вопросъ объ играхъ и забавахъ изъ среды обще- ственной жизни въ область религіозную, и мы приходимъ еще къ худшимъ заключеніямъ и результатамъ. Если человеку серьезному и дѣльному — въ житейскомъ смыслѣ — не естественно наполнять свое время игрою, ибо это признакъ праздности и мелочности; то еще болѣе противоестественно христіанину безпечно тратить время на оу игорныя удовольствія. Истинный и искренній христіанинъ на каж- дую минуту своего времени смотритъ какъ на шагъ, приближаю- щій его къ вѣчности. Онъ знаетъ, что цѣною земной жизни, не смотря на ея пріятность и оу похуаствя, судьба всей его за- гробной жизни. Человеку серьезно занятому оу этою мыслию, и иделодо вѣку, заботащемуся о своей душѣ и ея спасеніи, и иибушему, пона

выраженію Писанія, печаль яко по Бозѣ, придетъ ли на умъ игра, и станеть ли онъ искать въ ся удовольствіяхъ удовлетворенія своей умственной и нравственной жаждѣ? Такимъ образомъ неумѣренное развитіе игорныхъ наслажденій, свидѣтельствуя о праздности и несерьезности тѣхъ кружковъ, гдѣ они развиты, еще болѣе свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ нихъ крѣпкихъ религиозныхъ началъ, о суетномъ и грѣхолюбивомъ направленіи цѣлаго строя жизни. Мы не то хотимъ сказать этимъ, чтобы съ картами соединилось что нибудь особенно преступное и безнравственное или антихристіанское, по самому существу ихъ, они слишкомъ ничтожны для этого; но они могутъ служить выскокою или однимъ изъ признаковъ внутреннего содержанія въ человѣкѣ. Кто-то справедливо замѣтилъ: «скажи, съ кѣмъ ты знаешься, — и я скажу, каковъ ты?». Но кажется еще справедливѣе выразиться такъ: «скажи, чѣмъ ты занимаешься, и въ чемъ ты находишь свои удовольствія, и я скажу тебѣ, высокою ли цѣнью все внутреннее содержаніе твое!» Такъ вотъ, если-бъ Церковь плачетъ и поетъ въ своихъ храмахъ покаянныя пѣсни, если она призываетъ къ посту и прочимъ подвигамъ благочестія своихъ верныхъ чадъ, — (*) а люди какъ и всегда, садятся за карты, и безлѣтно проводятъ свои вечера въ игрѣ и веселомъ празднованіи, — то не значитъ ли это, что сіи люди не имѣютъ духа Христова, и не думъ чадъ Церкви? А по выраженію Апостола — это духа Христова не имѣеть, тотъ (страшно сказать!) и не Его, не Христовъ! Чей-же?!?...

В Е С Е Л І Е

Не подумать ли объ этомъ серьезнѣе? Дни наши незамѣтно бѣгутъ за днями. Неудовимое и лукавое время потихоньку проводитъ морщину за морщиной на нашихъ лицахъ. Мы и не примѣтимъ, какъ чувства наши, то одно — то другое, слегка начнутъ измѣнять намъ, а организмъ станеть разстраиваться, — и наступитъ пора, когда потребуютъ отъ насъ отчета въ прожитой жизни, когда придется стоять на праведномъ судѣ Божіемъ и съ трепетомъ ждать рѣшенія своей судьбы. Чѣмъ тогда защититься, на что дослаться въ свое оправданіе?

(*) Статья эта взята изъ слова въ великій постъ, произнесеннаго во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ въ 1874 году.

Свящ. М. Хераковъ.

5%
3%
6%
1%
1%

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТЪ ВОРОНЕЖСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО БАНКА.

На основаніи утвержденного устава, Воронежскій Коммерческій Банкъ производитъ слѣдующія операции: 1) Приемъ денежныхъ вкладовъ, для приращенія процентами; 2) Приемъ денежныхъ суммъ на текущіе процентныя счеги; 3) Приемъ равныхъ цѣнностей на храненіе; 4) Учетъ векселей и срочныхъ процентныхъ бумагъ; 5) Выдачу ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, драгоценныхъ металловъ и товаровъ; 6) Выдачу ссудъ подъ автантии желѣзныхъ дорогъ; 7) Переводъ денежныхъ суммъ въ разные города Россіи и за границу; 8) Покупку и продажу на свой счетъ процентныхъ бумагъ; 9) Исполненіе порученій по покупкѣ процентныхъ бумагъ, продажѣ ихъ и товаровъ; и по полученію платежей и другихъ комиссій.

ВЪКЛАДЫ.

Денежныя суммы на вклады принимаются отъ лицъ всѣхъ званій, земскихъ и частныхъ учрежденій, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, церквей, монастырей, разныхъ учрежденій духовнаго ведомства и пр.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 100 рублей.

Вклады принимаются какъ лично отъ самихъ вкладчиковъ, или ихъ довѣренныхъ, такъ и чрезъ почту.

Впредь до измѣненія, Банкъ платитъ слѣдующіе проценты:

По текущимъ счетамъ: обинновеннымъ . . . 4%

Условнымъ . . . 5%

По вкладамъ безсрочнымъ (до востребованія). 5%

срочнымъ: отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года . 6%

на 2 года и болѣе отъ . . . 6 $\frac{1}{2}$ %

и—по особому соглашенію.

Проценты уплачиваются: по безсрочнымъ вкладамъ чрезъ три мѣсяца, а по вкладамъ срочнымъ по полугодно.

Банкъ принимаетъ на себя получение денежныхъ суммъ, находящихся на вкладахъ въ другимъ кредитныхъ учрежденіяхъ безъ всякаго вознагражденія, если эти суммы будутъ положены на вклады его, для чего на именныхъ билетахъ слѣдуетъ дѣлать бланковую надпись съ засвидѣтельствомъ ея въ Полицейскихъ Управленіяхъ, у мировыхъ судей, или у Потариусовъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ

ИЗДАНІЯ

ВОРОНЕЖСКИХЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1875 году.

Въ 1875 г. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости издаются, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ предѣлахъ программы, утвержденной Св. Синодомъ. Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 15 чисель.

Вѣдомости состоятъ, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ—официальнаго и неофициальнаго и прибавленій къ нимъ.

Цѣна одному экземпляру Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей *четыре рубля*, а съ пересылкою или доставкою на домъ *пять рублей*; въ томъ числѣ почтѣ 60 копѣекъ; за бандероль, упаковку и др. расходы 40 коп.

Требованія на Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости вмѣстѣ съ деньгами за оныя слѣдуетъ адресовать: «Въ г. Воронежъ, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей, квартиры редакторовъ извѣстны почтовой конторѣ.

При этихъ требованіяхъ, особенно въ первый разъ, должно четко и обстоятельно прописывать почтовую контору, въ которую слѣдуетъ высылать Вѣдомости, а также званіе, имя, фамилію и мѣстожителство получателя.

Редакція Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ Редакціи всѣхъ газетъ и журналовъ, съ которыми она доселѣ мѣнялась изданіями, продолжить обмѣнъ и перепечатать въ своихъ изданіяхъ настоящее объявленіе.

Отъ Правленія Воронежскаго духовнаго училища.

О ПРОДОЛЖЕНІИ

При Воронежскомъ духовномъ училищѣ въ настоящее время состоитъ вакантною должность учителя Латинскаго языка съ жалованьемъ, при 13 урокахъ въ недѣлю, 440 руб. въ годъ. Р.г. Студенты Семинаріи, желающіе занять означенную должность, должны войти въ Правленіе училища прошеніями не позже 22-го Апрѣля сего 1875 года.

въ 1875 году.

Редакторы: } Прот. **С. Никоновъ**
} Свящ. **І. Адамовъ**

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **П. Паллионъ**.
Марта 31-го дня 1875 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ.